

Петрова Э.Б.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В АНТИЧНЫХ ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ЕЕ ИСТОКИ.

А сама история - свидетельница времен,
свет истины, жизнь памяти, наставница
жизни, вестница старины.

Марк Туллий Цицерон. Об ораторе

Щедрая на яркие имена и великие творения человеческого гения античная эпоха оставила неизгладимый след в истории и культуре Северного Причерноморья. "Киммериян печальная область, покрытая вечным туманом и мглой облаков" (Гомер. Одиссея. XI. 14-15), была облюбована греками во второй половине VII-VI вв. до н. э. Они освоили и полюбили казавшийся им поначалу далеким и неприветливым край, осели в нем крепко, чтобы жить долго, выращивать хлеб, виноград, возводить жилища для себя и богов, торговать с родной Элладой и соседними племенами, растить детей, делиться с ними знаниями, опытом, чувствами. Они превратили этот варварский, по их понятиям, край в цивилизованный, и таковым он остался навсегда. Здесь, вдали от Балкан и Эгеиды, полюбили науку, философские беседы, книги, театр, музыку, размышляли о вновь освоенных землях, связывали себя с ними и их исконными обитателями.

Большинство колоний в Причерноморье вывели ионийцы, в первую очередь жители малоазийского города Милета. Часть эллинов, под натиском дорийцев переселившаяся в конце II тысячелетия до н. э. с Балкан на западное побережье Малой Азии, сочла своим долгом сохранить духовное богатство, накопленное их предками почти за тысячу лет микенского периода. Отсутствие письменности, погибшей вместе с древнейшей в Европе цивилизацией (крито-микенской), стимулировало это естественное стремление к сохранению духовной культуры. Здесь бережно из уст в уста передавались древние мифы, сказания, создавались эпические киклы. Уже поэмы Гомера, родиной которого назывались разные города, но чаще всего малоазийская Смирна и соседний с западным побережьем Малой Азии остров Хиос, пронизаны глубокой философской и исторической (в мифологическом варианте) мыслью. В цветущих эллинских центрах Малой Азии и близлежащих островов творили многие поэты-лирики эпохи архаики, а также первые в европейской литературе прозаики - логографы (бывшие историками, мифологами, географами, этнографами в одно и то же время), творчество коих приходится на VI - V вв. до н. э. Их интересу к истории (пока еще мифической) и стремлению к рационалистической критике мифов в значительной мере обязан высоким званием "отца истории" Геродот, иониец родом из малоазийского Галикарнасса. Милет и вообще Иония славились и своими философскими школами, возникшими на рубеже VII - VI вв. до н. э. и совпавшими с Великой греческой колонизацией. Их создатели пытались решать глобальные вопросы мироздания, они заложили основы целого ряда наук. Иными словами, умственная жизнь там была ключом уже в раннее время, опережая в этом отношении другие районы Эллады.

Неизгладимое впечатление на эллинов северопричерноморских городов должны были оказать фундаментальные труды Гекатея Милетского и Геродота, в которых огромное внимание уделялось скифским землям и их обитателям, а также пребывание "отца истории" в Ольвии и соседних с ней областях. Глубокий и всесторонний интерес выдающихся ионийских мыслителей к Северному Понту стимулировал изучение данного региона местными греками и способствовал формированию собственной школы историков, географов, этнографов.

В дальнейшем интерес к наукам, литературе, искусству в северопонтийских городах подпитывался их связями с ионийскими и другими греческими центрами, особенно Афинами, волею судеб вышедшими в эпоху классики на передовые рубежи умственной и художественной жизни Эллады. В IV в. до н.э. вывоз хлеба с Боспора в Афины приобрел грандиозный, по меркам того времени, размах, так что в Афинах постоянно пребывали боспорские купцы и их агенты, а на Боспоре - афинские. Оказавшись в сердце Эллады, жители далекой окраины не удовлетворялись лишь решением деловых вопросов, но стремились как можно больше там услышать и увидеть. Аристотель сетовал на то, что афинские "народные ораторы проводят целый день ... в болтовне с приезжающими с Фасиса или Борисфена", то есть Причерноморья, в частности Ольвии (О справедливости. Р. 1487. Фр. 72 = ВДИ. 1947. № 2. С. 330). Но ведь далеко не все ораторы были болтунами, которых никто, кроме провинциальных зевак, и слушать-то не хотел. Достаточно вспомнить такого ратора и политического деятеля, как Демосфен, чтобы убедиться, что посещавшие Афины жители Понта имели возможность повышать свой культурный уровень в общении с выдающимися людьми. Сам Демосфен, если верить его оппонентам, по матери был родом из Боспора, быть может, даже имел бабку-скифянку, хотя родился в Афинах и был гражданином этого полиса (Эсхин. II; III. 171 = ВДИ. 1947. №2. С. 321; см. также жизнеописание Демосфена: ВДИ. 1947. №3. С. 238-239). Видимо, имевший родственников на Боспоре и тесно связанный с ним экономическими интересами (Динарх укорял Демосфена за то, что тот играл на руку боспорским тиранам, от которых ежегодно получал по тысяче медимнов пшеницы - I. 43 = ВДИ. 1947. №3. С. 253), Демосфен и сам бывал там, и, уж конечно, общался с приезжавшими в Афины по разным, особенно коммерческим, делам боспорянами. А это означает, что те не просто были знакомы с лучшим из лучших афинских ораторов, но и слушали его речи, беседовали с ним, учились мастерству красноречия.

Люди богатые и знатные стремились отправить своих отпрысков на учебу в известные центры культуры. После окончания гимназия человек мог продолжить обучение в философской или риторической школе - это было своего рода высшее образование. Особенно славились такие школы в Афинах. Некоторые учились за границей ради удовольствия, из любви к наукам. Благодаря сохранившейся во фрагментах речи "Трапезитик"

крупнейшего аттического оратора Исократу мы знаем, что некий Сопей, богатый и знатный боспорянин, доверенное лицо боспорского правителя Сатира I (407/6 - 390/389 гг. до н. э.), совмещавший государственную деятельность с частной коммерцией, отправил в Афины своего сына, изъявившего желание увидеть их собственными глазами, так как немало был наслышан и об этом городе, и о других городах Эллады (XVII. 3 = ВДИ. 1947. №2. С.302). Там он, кажется, стал учеником Исократу, возглавлявшего первоклассную ораторскую школу, где обучение длилось 3-4 года и стоило очень дорого.¹ Наверняка в дальнейшем сын пошел по стопам отца, стал государственным деятелем и коммерсантом, но длительное пребывание в Афинах и учеба у Исократу, общение с ним самим и его талантливыми учениками не должны были пройти бесследно, помогли юноше сделать карьеру и стать культурным человеком.

Особенно притягательной была Эллада для интеллигенции. Из дельфийской надписи мы знаем, что боспорский учитель, музыкант и поэт III в. до н. э. Исилл принимал участие в ежегодных музыкальных состязаниях на празднике Сотерии, посвященном, скорее всего, богу врачевания Асклепию; видимо, он же, как явствует из другой надписи, происходящей из Эпидавра, решил навсегда остаться в этом прославленном центре культа Асклепия.³ Немало путешествовали по городам Греции и приезжали туда для учебы северопричерноморские мудрецы, имена которых мы еще назовем. Позже они стали ездить в Рим и крупные провинциальные города империи не без того, что удовлетворение умственных и эстетических потребностей совмещалось со служебными делами.

Живя вдалеке от Эллады, греки не отрывались от ее культуры, следили за новинками литературы, интересовались философией, научными достижениями, старались не отставать от моды. Любили Гомера, стихи и прозу на сюжеты мифов о Северном Причерноморье, на сценах театров ставили пьесы афинских драматургов, площади и улицы городов, храмы и другие общественные постройки, свои жилища украшали произведениями искусства, привезенными из Эллады. Из "Анабасиса" Ксенофонта мы знаем, что Афины и другие культурные центры отправляли свою книжную продукцию в понтийские колонии (нередко у Салмидесса, города и области на западном побережье Черного моря, плывущие в Понт корабли садятся на мель, а аборигены грабят корабли и находят "много кроватей, сундуков, книг и других вещей, какие навклеры обычно перевозят в деревянных ящиках" - VII. 5. 12-14). Судя по тому, с каким энтузиазмом горожане Северного Причерноморья воспринимали заезжих мудрецов и людей искусства, вступали с ними в споры, отстаивали собственные убеждения, можно с уверенностью сказать, что здесь с полной отдачей работали учителя, обучая детей в младшей школе, а затем в гимназиях. Взрослые люди, продолжая развивать свой интеллект самостоятельно, были готовы к восприятию сложных философских и научных проблем, мастерства деятелей искусства.

Несколько примеров. В первых десятилетиях IV в. до н. э. боспорские цари вели затяжную и поначалу неудачную для них борьбу с независимой Феодосией, на защиту которой выступила Гераклея Понтийская. Полиен в "Стратегемах" рассказал о хитрости, к которой прибег родосский военачальник Мемнон: он отправил на Боспор к Левкону I посла Архибиада, а с ним прославленного кифареда Аристонику из Олинфа; кифаред должен был показывать свое искусство, привлекая жителей в театры, а посол тем временем подсчитывать численность тамошних жителей (V. 44. 1 = ВДИ. 1948. №2. С.216). Театры собирали практически все гражданское мужское население (на некоторые представления допускались и женщины). Мемнон был уверен, что жители Пантикапея и других боспорских городов не упустят возможности послушать игру заезжей знаменитости, и шпионская акция увенчается успехом. Не менее показателен более поздний случай с жителями Ольвии, блестяще описанный странствующим оратором Дионом Хрисостомом в "Боисфенитской речи", произнесенной им около 100 г. н. э. (XXXVI = ВДИ. 1948. № 1. С.228-233). Дион прибыл в Ольвию не в лучшие для города времена - на него постоянно нападали варвары, многие постройки были разрушены. В тот день, о котором идет речь у Диона, беспокойно было на душе у ольвиополитов: накануне "скифы сделали набег и некоторых зазевавшихся часовых убили, других ... увели в плен". Горожане собрались послушать оратора в полной боевой готовности, с оружием в руках. Их любознательность взяла верх над страхом и опасностью, и они беседовали с Дионом о Гомере, "о божественном миропонимании или мироустройстве" ("как оно составилось и в чем состоит"), о Платоне и о государстве. Одного из участников беседы Дион описал подробно: "Каллистрату было лет восемнадцать, он был очень красив и высок и в наружности имел много ионического. Про него говорили, что он храбр на войне... он прилежно занимался красноречием и философией". Другой - Гиеросонт ("старейший по летам и пользовавшийся величайшим уважением") – оказался поклонником Платона, постоянно изучающим его произведения.

Принесенное из Ионии и подпитываемое тесными связями с Афинами любознательное всерьез овладело душами ионийцев из Ольвии, Пантикапея, других городов, и результат этого - целая плеяда профессиональных философов, риторов или просто любителей мудрости, красноречия, поклонников разных философских школ. Логично и красиво говорить при стечении большого числа граждан родного города должны были активные участники политической жизни, представители властей. Надо полагать, в северопричерноморских центрах были свои ораторские школы, готовившие молодых людей к активной общественной деятельности, обучавшие красноречию и наукам.⁴ В эпиграфических памятниках мы часто встречаемся с именами людей, заслуживших особое уважение сограждан добрыми советами, мудростью и любовью к наукам. Профессиональными философами, прославившимися далеко за пределами родины и удостоившимися чести попасть на страницы книги Диогена Лаэртского "О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов", были ольвиополит Бион, боспоряне Дифил, Сфер (II. 11; IV.7; VII.6)⁵; к этой когорте примыкает пантикапеец Смикр (КБН. 118). Это они названы в эпитафии боспорского мыслителя и писателя Стратоника "прежними великими людьми" (КБН. 145). На IV - III вв. до н. э. приходится расцвет философской мысли в городах Северного Понта, прежде всего ионийских (милетских), каковыми были Ольвия, Пантикапей, Феодосия и

некоторые другие.

Интерес к философии и истории, восходящий к первопоселенцам, в дальнейшем стимулировался успехами этих наук в главных культурных центрах Эллады. Под влиянием исторических трудов любознательного и художественно одаренного Геродота, педантичного и глубокомысленного Фукидида, блестящего стилиста и провидца Ксенофонта, разностороннего гения Аристотеля складывались представления о целях и задачах истории, методах работы с источниками тех из граждан государств Северного Понта, кто решил заняться сложнейшим и интереснейшим из дел - написанием сочинений на историческую тему.

Первый из известных нам таких трудов был создан на Боспоре, в Пантикапее, на рубеже IV - III или в начале III в. до н. э. Имя автора мы не знаем, поэтому назовем его Анонимом Боспорским. Нельзя исключить, что у него были предшественники родом из Северного Причерноморья и он мог учиться также у них. Приступая к написанию истории Боспорского государства, наш далекий земляк был вооружен добротным образованием, знанием трудов своих коллег и теорий мыслителей из Эллады и Понта, богатым жизненным опытом и интересным для анализа материалом. Последнее обязательно - достаточно вспомнить, что наиболее выдающиеся исторические труды в античности рождались из как будто специально преподнесенных историей сюжетов. Греко-персидские войны заставили Геродота задуматься над судьбами греков и варваров, ввязавшихся в затяжной и многое изменивший в жизни народов конфликт. Пелопоннесская война поставила перед Фукидидом сложные вопросы взаимоотношений между враждующими союзами государств в Элладе. Кризис эллинского полиса рождал у Ксенофонта, Аристотеля, иных мыслителей стремление понять сущность такого феномена, как полис, и найти путь к его спасению. Также и наш Аноним должен был заполучить такой сюжет, который побуждал бы к постановке нелегких вопросов и к постижению пути их решения. И такой сюжет был найден - процесс создания крупнейшего по греческим масштабам и необычного для эллинов по характеру (греко-варварского) государства - Боспорского царства. Особенно привлекали некоторые узловые события (как-то: смена династий, война с Феодосией и Гераклеей, перипетии присоединения Синдики), непосредственным же поводом к работе над большим историческим трудом послужили события, последовавшие за смертью боспорского правителя Перисада I. Иными словами, Анониму была интересна судьба царства в процессе его становления и в период процветания. При этом он стремился к хронологической точности, не пренебрегал деталями, опирался на личные наблюдения, устные рассказы и, видимо, какие-то письменные источники, например, храмовые хроники, сочинения своих местных предшественников.

Наши знания об Анониме крайне скудны, основаны на догадках и косвенных данных. Тем не менее, личность боспорского историка оказалась весьма привлекательной для исследователей, и они пишут о нем давно и часто. Наиболее обстоятельными являются работы М.И. Ростовцева, В.В. Струве, В.Д. Блаватского⁶. Все авторы исходят из того, не ошибемся, если скажем, очевидного факта, что содержащиеся в общегреческих по характеру сочинениях некоторых древних писателей сведения по истории северопричерноморского региона, в первую очередь Боспора, восходят к местному, боспорскому источнику. Таковым мог быть труд историка, названного нами Анонимом. Все согласны с тем, что он был очевидцем красочно им описанных драматичных событий, постигших дом Спартакидов после смерти Перисада I в 311/310 г., и деяний правившего в 310/309 - 304/303 гг. Евмела. Так что свой труд он мог написать в конце IV - начале III в. до н. э. при Евмеле или, что вероятнее, его сыне Спартоке III (304/303 - 284 гг.).

Наверняка Аноним был знаменитостью в своем городе, его труд читали на Боспоре и в других государствах Северного Причерноморья, с ним были знакомы увлекавшиеся историей интеллигенты далекой Эллады. Его сочинение пользовалось успехом после смерти автора в течение длительного времени, было образцом для местных историков. Живший в I в. до н. э. - I в. н. э. Диодор Сицилийский имел возможность познакомиться с ним (через вторые руки) и счел целесообразным включить в свой труд некоторые содержащиеся в нем материалы. Многие исследователи отмечали панегирический в адрес Евмела тон местного историка, труд которого, по мнению М.И. Ростовцева, был инспирирован Евмелом или кем-то из его ближайших потомков и имел "официальный или официозный" характер, а в понимании В.П. Яйленко является примером "панегирической исторической традиции", характерной для эллинистических правителей, в духе которых правили Спартокиды со времени Евмела⁷. Диссонансом в этом хоре звучит оценка труда Анонима, данная В.В. Струве: он отказался видеть в местном историке придворного историографа, ибо тот не умолчал о жестоких деяниях боспорских правителей; а В.Д. Блаватский подметил, что "отношение боспорского историка к Евмелу менялось в зависимости от политики последнего": поначалу оно резко отрицательное, а в дальнейшем, после того, как новый правитель стал оказывать благодеяния пантикапейцам и понтийским эллинским государствам, вполне положительное⁸.

Наши представления об Анониме основываются исключительно на тех фрагментах из истории Боспора, которые сохранились в трудах более поздних авторов. В первую очередь это "Историческая библиотека" Диодора Сицилийского, предоставившего в распоряжение историков нового времени ценнейшие и зачастую уникальные факты. Речь идет о перечне боспорских правителей V - IV вв. до н. э. из династии Спартакидов с числом лет царствования каждого из них (XII. 31. 1; 36. 1; XIV. 93. 1; XVI. 31. 6; 52. 10 = ВДИ. 1947. №4. С.262-263.) и о рассказе, касающемся борьбы за власть между сыновьями Перисада I (XX. 22-26 = ВДИ. 1947. №4. С.263-266). В перечне (если собрать воедино все разбросанные в книгах XII, XIV, XVI пассажи) поражают лаконичность, даже скупость автора и явное нежелание распространяться по поводу существа вскользь затронутых им событий. История с сыновьями Перисада на этом фоне кажется подробной, обстоятельной. Мы узнаем, как Евмел воспротивился передаче трона старшему брату Сатиру и, "вступив в дружественные отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы", стал его оспаривать; как возмущенный Сатир "двинулся против него со значительным войском",

включавшим греческих и фракийских наемников, а также союзников скифов; как у реки Фат произошло победоносное для него сражение, затем последовала осада его армией труднодоступной крепости союзников Евмела фатеев и достойная истинного военачальника и царя смерть Сатира; как последнего на короткий период сменил на престоле и поле брани третий из братьев - Притан. Гибель Сатира и Притана открыла для Евмела путь к единоличной власти, но из страха перед возможными соперничеством и недовольством он "приказал умертвить друзей Сатира и Притана, а также их жен и детей". Злодеяния вызвали негодование пантикапейцев. Евмелу пришлось собрать в столице народное собрание и пойти на уступки: он пообещал жителям города сохранить их право на беспощадность, освободить от податей и многое другое. В дальнейшем же правил "согласно с законами", "оказывал услуги византийцам, синопцам и большинству других эллинов, живших по берегам Понта". Жителям осажденного Лисимахом Каллатиса предоставил убежище и город для поселения, "разделил на участки так называемую Псою и область", успешно воевал с морскими пиратами, расширил свои владения за счет земель соседних варваров. Но и этого мало: "он задумал было вообще покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скоропостижная смерть не пресекла его жизнь".

В этом полном драматизма тексте чувствуются переживания автора, его отношение к главным героям - Сатиру, Евмелу. Первый предстает перед читателем человеком достойным, борцом за правое дело, отважным воином. На его фоне Евмел выглядит бунтарем, стремящимся к незаконному захвату власти и опирающимся на варваров, убийцей своих родственников и друзей собственных братьев. Злодеяния, однако, вскоре были перекрыты благодеяниями, Евмел стал покровительствовать гражданам Пантикапея и эллинам всего Понта, в результате чего "завоевал расположение всех граждан" и "возбуждал к себе немалое удивление своими достоинствами", а "торговые люди повсюду разнесли молву об его великодушии". Традиционное для боспорских правителей покровительство грекам и греческой торговле успокоило поначалу возмущившихся пантикапейцев и явно импонировало автору самого рассказа.

Диодор был родом из Сицилии, жил почти тремя веками позже описываемых событий и никогда не бывал в Северном Причерноморье. За его текстом просматривается сочинение другого писателя - хорошо осведомленного в боспорских делах и равнодушного к ним. Этот автор принадлежал к пантикапейскому гражданству, был современником и очевидцем борьбы между сыновьями Перисада. Его труд лег в основу рассказов Диодора о Боспоре.

Сицилиец, будучи творческим компилятором, как правило, перерабатывал свои источники. В отношении Боспора творчество проявилось в том, что он сокращал свой источник и выхватывал из контекста отдельные факты. Читая боспорские фрагменты в "Исторической библиотеке", чувствуешь, что за ними стоит гораздо более полный и изложенный в определенной последовательности текст. У читателя этого первичного текста не возникали те многочисленные вопросы, которые давно не дают покоя ученым, как-то: в результате чего и как именно произошла смена династий в Боспорском государстве, какова этническая и социальная принадлежность основателя новой династии Спартока, каков характер правления Археанактидов и Спартокидов, в чем заключалась традиция престолонаследия у последних, каковы мотивы, побудившие Евмела выступить против законного наследника престола. Не ясно в какой местности развернулись военные действия между братьями, почему победивший и жестоко расправившийся со своими близкими Евмел счел необходимым отчитаться в своих действиях перед народным собранием пантикапейцев и пойти им на уступки, до сих пор дискутируется локализация Псои.

Замечено также, что Диодор сам соотнес имевшиеся в его источнике годы правления боспорских царей с годами исполнения своей должности афинскими архонтами (например: "при архонте Феодоре в Афинах ... исполнилось сорок два года царствования на Киммерийском Боспоре царей, называемых Археанактидами; царскую власть получил Спарток и царствовал семь лет" - XII . 31. 1) и его хронология не всегда оказывается верной⁹. Не все ясно и с терминологией, которую использует Диодор по отношению ко все тем же боспорским правителям, так как она далеко не всегда совпадает с той, что принята у других авторов и в боспорских надписях IV - III вв. до н. э. Обычно в источниках ранние Спартокиды назывались тиранами, династами, царями (басилеями), архонтами. Диодор на удивление однообразен в своей приверженности к термину "царь", что, впрочем, Ю.Г. Виноградов объясняет или заимствованием из боспорского источника эллинистического времени, или творчеством самого автора "Исторической библиотеки", обозначавшим словом "царь" носителя единоличной власти вообще¹⁰. Между тем, анализ подобного рода терминов важен для понимания характера правления Спартокидов и, быть может, даже Археанактидов. Если Диодор заимствовал терминологию у Анонима, то нужно признать, что во времена последнего власть представителей династии уже была не столько тиранической, сколько именно царской.

Обычно тирания в Элладе вводилась на ограниченный срок ради решения конкретных задач, после отпадения необходимости в ней она либо уходила с исторической сцены, уступая место более демократическим системам управления, либо эволюционировала, например, в сторону "правильной" монархии - так было, как правило, тогда, когда условия, вызвавшие к жизни тиранию, сохранялись долго (в первую очередь внешнеполитические, то есть не зависящие от тирана и его деятельности), тиран передавал по наследству не только свою власть, но и свои функции, связанные с решением сложных задач. Периферия античного мира оказалась наиболее подверженной внешней угрозе, здесь условия, породившие тиранию, сохранялись особенно долго, может быть, перманентно. Именно поэтому на Боспоре, как и в некоторых иных местах (на Сицилии, Кипре), тирания задержалась, превратившись в обычную монархию - это диктовалось необходимостью сохранять единство разнородных частей государства - греческих полисов и варварских племен¹¹.

Уже в надписях III в. Спартокиды именуются просто "царями" ("царствующими"), а не архонтами Боспора и Феодосии и царствующими над различными местными племенами, как было ранее, в IV в. (КБН. 20, 21, 23, 24, 26). Такой переход к "правильной" монархии происходил постепенно. Уже Перисад был обожествлен, а Евмел, как мы уже знаем, отказался от всяких соправителей (соправительство было обычно в доме Спартокидов и вообще в духе тирании) и вел себя совершенно по-царски. Он проявлял необычайную активность на международной арене и даже задумал объединить все живущие вокруг Понта народы, выступив в этом отношении предшественником великого "царя царей" Митридата VI Евпатора, ставшего-таки на некоторое время истинным "властителем Понта"¹².

Те политические шаги Евмела, которые укрепляли его единоличное правление, а вместе с тем и мощь Боспорского царства, приветствовались Анонимом, как и большинством богатой и знатной верхушки боспорских городов, связанной с заморской торговлей и заинтересованной в ее расширении, возможном лишь в мирной обстановке в Северном Причерноморье и вообще на Понте.

К сему нужно добавить, что Диодор, вероятно всего, читал произведения Анонима не в подлиннике, а в извлечениях, сделанных кем-то из его предшественников. В Сицилии вряд ли переписывались и пользовались популярностью сочинения периферийных эллинских авторов, тем более из столь далеких мест, каким был Боспор для жителей Западного Средиземноморья. Уже то, что Диодор сокращал и выхватывал из контекста своего источника отдельные факты из боспорской истории, не заботясь о том, что читателю не все будет ясно, свидетельствует не в пользу большого интереса автора всеохватывающего исторического труда к малозначимым в общегреческом масштабе перипетиям при дворе боспорских Спартокидов. Боспор интересовал его лишь постольку, поскольку в V и особенно в IV вв. он был тесно связан с Афинами. Надо полагать, что Диодор еще и спешил, желая успеть до конца жизни написать свой огромный труд. Но могла быть еще одна важная причина "небрежности" историка, а именно: произведения Анонима сократили уже до него. Двойное сокращение и привело к тому, что в тексте Диодора опущены мотивировки поступков его героев, нет четкости и конкретности при описании деталей, указании географических пунктов, встречаются ошибки, идущие от плохой осведомленности автора в событиях далекого края или неправильного понимания им текста своего источника.¹³ Сведения о Боспоре он мог черпать вообще только из одного источника и не имел возможности проверить их. Диодор отказался от собственной оценки описанных им событий из истории Боспора.

Большинство исследователей полагает, что источником для Диодора послужили труды самосского историка Дуриса (ок. 340-270 гг. до н.э.), ученика известного философа Феофраста. Ими были "Истории" (охватившие период с 371 по 281/280 гг.) и сочинение о сицилийском тиране Агафокле (360-289 гг.), хорошо знакомые, в отличие от нас, Диодору (что следует из текста самого Диодора)¹⁴. Интерес Дуриса к Боспору объясняется особой ролью этого государства в экономической жизни Афин и связями его с островом Самосом. Философское образование и приобщение к политике побуждали Дуриса к изучению форм государственного устройства, особенно привлекала тирания, причем ее положительные стороны. В этом смысле Боспор эпохи Спартокидов представлял широкое поле для исследовательской деятельности. Свой интерес Дурис мог удовлетворить, обратившись к только что написанному подробному сочинению по истории Боспорского царства местного историка Анонима. Дурис внес в свои "Истории" отрывки из его труда, много позже они привлекли внимание Диодора, и уже в его сокращении (а иногда и искажении) дошли до нас. Из них ясно, что боспорский историк обращал серьезное внимание на хронологию, любил точность при описании конкретных событий, не пренебрегал деталями, не считал нужным опускать в угоду властей факты, порочащие их репутацию, и наверняка стремился к объяснению поступков своих героев, опущенному Диодором. Иными словами, наш историк, как и должно представителю его профессии, в своем труде старался ответить на вопросы: когда? как? почему?

Труд Анонима был известен не только Дурису и Диодору, но и другим писателям. Этот вывод напрашивается при прочтении произведений ряда авторов, в той или иной мере по разным поводам касавшихся событий на Боспоре и в целом в Причерноморье. Речь идет о "Стратегемах" писателя II в. н. э. Полиена. Увлечшись описанием военных хитростей известных в истории полководцев, он собрал многие подобные примеры в сочинениях греческих и римских авторов, среди них несколько касаются Боспора и его правителей из династии Спартокидов. Ученые спорят, какие из рассказов Полиена восходят к Анониму, а какие взяты из других источников. Предположение В. В. Струве, что в эпизодах, несущих термин "тиран" по отношению к боспорским правителям, нельзя видеть заимствование из Анонима, не кажется достаточно обоснованным, ибо, как уже говорилось, слово "царь", употреблявшееся по отношению к Спартокидам Диодором, могло быть творчеством самого Диодора, а не Анонима или Дуриса. Мы не можем быть уверены в том, что Аноним никогда не называл боспорских правителей "тиранами", поэтому эпизоды Полиена с термином "тиран" могут восходить к труду Анонима, любившего конкретность, факты. Рассказы же Полиена вполне конкретны. Один из них о хитрости гераклеяского наварха Тинниха, сумевшего освободить Феодосию от осады боспорскими войсками в начале боспорско-гераклеяско-феодосийской войны (V. 23 = ВДИ. 1948. №2. С. 216); другой - о родосском военачальнике Мемноне в связи все с той же войной (V. 44 = ВДИ. 1948. №2. С.216); четыре истории посвящены хитрым проделкам Левкона I, направленным на укрепление своей власти и государства и ослабление оппозиции (VI. 9. 1-4 = ВДИ. 1948. №2. С.216-217); далее следует анекдот о переодеваниях Перисада I в стратегических целях в условиях военного времени (VII. 37 = ВДИ. 1948. №2. С.217) и рассказы о смелых варварских женщинах Тиргатао и Амаге (VIII. 55, 56 = ВДИ. 1948. №2. С.218-219)¹⁵

Думается, эпизоды, связанные со сложным и очень важным для будущего Боспора периодом расширения его земель за счет присоединения Феодосии и территории на восточной стороне Керченского пролива, восходят

к труду Анонима, в первую очередь стремившегося представить картину создания и процветания могущественного греко-варварского государства в Северном Причерноморье под руководством представителей династии Спартокидов. Разумеется, это было не прямое заимствование. М.И.Ростовцев полагал, что Полиен использовал произведение какого-то эллинистического автора, который, в свою очередь, основывался на местной - и Херсонесской, и боспорской, и вообще понтийской - традиции: Аноним мог быть одним из представителей местной историографии, чей труд через вторые руки был использован Полиеном, как, впрочем, и другими писателями более позднего времени (не исключено, что сочинение Анонима лежало в основе боспорских историй Афиная, Овидия).

"Вычисленный" исследователями из "Исторической библиотеки" Диодора безымянный пантикапейский историк прочно вошел в ряды интеллигенции античного периода истории Северного Причерноморья. Его труд о Боспорском царстве стал школой для подготовки северопонтийских историков, определил их интересы, тематику, методы работы с историческим материалом, способ его изложения. Надо полагать, что боспоряне отметили своего соотечественника и выразили ему свою благодарность и почтение каким-то декретом (наподобие декрета херсонесцев в честь Сириска) или особой надписью на его надгробном памятнике.

Вспоминаются стихотворные эпитафии пантикапейских мыслителей Смикра, "который велик был (внушаемым к себе) доверием и у которого справедливость внедрена была в уме природою от рождения", и Стратоника, сына Зенона, хранившего "разумность и славные нравы", чью "прелестную мудрость узнают из книг бесчисленные века" (КБН. 118, 145); автор эпитафии причисляет Стратоника "к прежним великим людям", среди которых вполне мог подразумеваться и наш Аноним (рис.1).

Рис. 1. Надгробная стела Стратоника, сына Зенона. Известняк. Конец I - первая половина II в.н.э. Пантикапей.



Нельзя не согласиться с мнением М.И.Ростовцева, что в эллинистический период в понтийских государствах, включая Боспор, Херсонес, существовала значительная историческая традиция; истоки ее следует искать на Боспоре, где авторы увлекались политическими вопросами, положительно оценивали тиранию и не имели склонности к романтическим рассказам и анекдотам¹⁶. К эллинистическим историкам Боспора (старшим из которых можно считать Анонима) восходят все наши знания о Боспорском царстве и его правителях V - начала III вв. до н. э. Здесь уместно вспомнить замечание Арриана, что упоминания об основанной милетцами Феодосии "имеются во многих литературных памятниках" (Перипл.30=ВДИ. 1948. №1. С.272). Видимо, имеется ввиду именно боспорская эллинистическая литература. Увлечение Феодосией ее создателей несложно объяснить: город долгое время сохранял самостоятельность и выступал в роли торгового и политического конкурента Боспора, борьба за его присоединение оказалась для Спартокидов долгой и тяжелой, в дальнейшем он, его порт и сельская округа играли важную роль в вывозе пшеницы и других товаров с Боспора в Элладу, и Феодосия выделялась боспорскими династиями среди городов царства¹⁷. (В.В. Струве даже полагал, что в Феодосии в годы ее героической борьбы с Сатиром I и Левконом I создалась своя литература, и относил к ней эпизод из Полиена о доблестной меотянке Тиргота, антибоспорская позиция которой импонировала феодосийцам; когда город потерял независимость, враждебные династиям сочинения были ликвидированы, но кое-что могло попасть в Гераклею Понтийскую, союзницу Феодосии в войне со Спартокидами, а также в Херсонес Таврический, гераклеюскую колонию¹⁸. Гераклеюские историки интересовались Феодосией в связи с особым к ней отношением их родного города.)

Местная понтийская историческая традиция - продолжает рассуждения М.И. Ростовцев - была использована греческими историками эллинистического времени, чьи сочинения нам, к сожалению, почти не известны. Из них-то и черпала сведения о Понте более поздняя историческая традиция, позаимствовав преимущественно данные анекдотического и романтического характера (истории с Тиргата, Амагой, Левконом у Полиена, с Левконом у Овидия, диалоги Лукиана "Токсарид" и "Скиф").

Между тем эллинистическая литература была насыщена в высшей степени ценной для нас информацией (и, хотя и идеализировала варваров, что было в духе времени, несомненно, имела к ним огромный интерес и сообщала о них отнюдь не только анекдоты). Тому свидетельство - сообщения о делах в северопонтийских государствах Страбона, Диона Кассия, пользовавшихся трудами историков Митридата VI, в свою очередь обратившихся за фактами к сочинениям авторов из Боспора, Херсонеса. Эти сообщения, в основном лишены анекдотической и романтической окраски, конкретны, историчны¹⁹.

Наблюдения Михаила Ивановича Ростовцева, как всегда, глубоки, оригинальны, в своей основе имеют блестящие знания предмета рассуждений, совершенное владение методикой исторического исследования и такт в отношении исторических реконструкций.

Аноним не был первым историком в античных государствах Северного Причерноморья, но мог принадлежать к старшей плеяде наиболее мощной историографической струи, стоять у истоков исторической школы, сложившейся там в эллинистическое время. И тем не менее нужно сделать оговорку: наши знания об источнике Диодора в связи с историей Боспора настолько гипотетичны, что нельзя исключать возможности

использования Сицилийцем (и другими авторами) трудов не одного местного историка, а двух и более.

Вполне возможно, учеником и последователем Анонима на Боспоре был историк, оставивший каталог победителей на состязаниях в честь бога Гермеса, обнаруженный в древней Горгииппии (совр. Анапа) и датированный В.В. Латышевым первой половиной III в. до н. э. (IPE. IV. 432 = КБН. 1137). Об этом каталоге написано немало, наиболее подробно (после В.В. Латышева) - М.М. Кублановым и Э.О. Берзиным²⁰. Памятник представляет собой прямоугольную мраморную плиту, лицевая и оборотная стороны которой заполнены надписью. Два столбца стороны А сохранили заголовки: "Крепостью тела (победили)" (далее список из 57 имен с именами отцов) и "Следующие победили в длинном беге на празднике в честь Гермеса" (идет список из 51 имени с именами отцов). Столбцы на стороне Б представляют списки из 61 и 57 имен с именами отцов и не имеют начала. (В основном имена греческие, ионийские, немного дорических и совсем мало негреческого происхождения. В 39 случаях в разных списках фигурируют одни и те же имена с отчествами, иногда имя победителя в одном столбце оказывается с отчеством другого победителя, значащегося в другом столбце. Значит, один и тот же человек мог быть победителем в разных состязаниях, а кроме того, среди победителей встречались отцы и их сыновья.)

Состязания в честь подвижного и ловкого Гермеса, покровителя юношей и гимнасиев, имели широкое распространение в Элладе, были они и в Ольвии, в Херсонесе, на Боспоре. М.М. Кубланов считает, что в Горгииппии они проводились раз в 2-4 года, Э.О. Берзин называет их ежегодными. Очевидно, что в них принимали участие люди разных возрастов - мальчики, юноши и взрослые. Помимо бега они включали военные агоны, что в условиях Боспора, тем более эллинистического времени, значило немало: оборона государственных границ была прямой обязанностью мужской половины его населения. М.М. Кубланов сопоставил наш агонистический каталог с подобными из Олимпии, Дельфы, славившихся своими общегреческими религиозными и спортивными празднествами. Известно, что там списки победителей начали составлять гораздо позже того времени, когда возникли сами праздники (возможно, не ранее последней трети V в. до н. э.). Работа по составлению каталогов требовала значительных усилий и творческого подхода: нужно было собрать и систематизировать материалы за несколько столетий. Этот труд взяли на себя такие известные ученые, как Гиппий, Аристотель. Почему бы не предположить, что и горгииппийский каталог был составлен кем-то из местных боспорских (горгииппийских?) историков? Исходя из аналогий с Олимпией и Дельфами, а также базируясь на эпиграфических материалах боспорского происхождения, М.М. Кубланов пытался определить круг источников автора горгииппийского каталога - это надписи на базах статуй, победные стелы, агонистические приписки к посвячительным надписям магистратов, списки победителей на празднествах данного года или за некоторое число лет, вотивы в храмах, устная традиция. Отмечает он и некоторые особенности работы историка: ему приходилось думать над вопросами хронологии, чтобы верно расположить имена победителей в столбцах, и устанавливать закономерности в чередовании имен. Не исключено, что составление каталогов в Олимпии, Дельфах и других местах завершалось составлением истории празднеств. Так же могло быть и в Горгииппии. Предположение М.М. Кубланова о наличии в городе азиатского Боспора собственного историка - автора агонистического каталога (быть может, являвшегося частью произведения, в котором была представлена история агонов) - вполне уместно; критика его Э.О. Берзиным не представляется убедительной. М.М. Кубланов отметил также, что время составления нашего каталога совпадает со временем написания сочинений Херсонесского историка Сирииска (добавим: и близко ко времени написания истории Боспорского царства Анонимом) и некоторых списков имен из северочерноморских городов, назначение которых не всегда нам понятно. Но есть среди них каталоги, которые имеют отношение к спорту (например, происходящие из Херсонеса) и, не исключено, что в некоторых случаях их авторами были творческие люди, историки по роду занятий.

Боспорская школа историков дала толчок развитию историографии в других государствах Северного Понта, в частности в сравнительно поздно возникшем Херсонесе. Учеником и младшим современником Анонима мог быть Сирииск, известный нам благодаря сохранившейся надписи - декрету в его честь (рис. 2), изданному и прокомментированному В.В. Латышевым и Р.Х. Лепером и специально изученному М.И. Ростовцевым (IPE. I². 344 = ДМЮР. 35.= КЛХ. 4)²². На плите

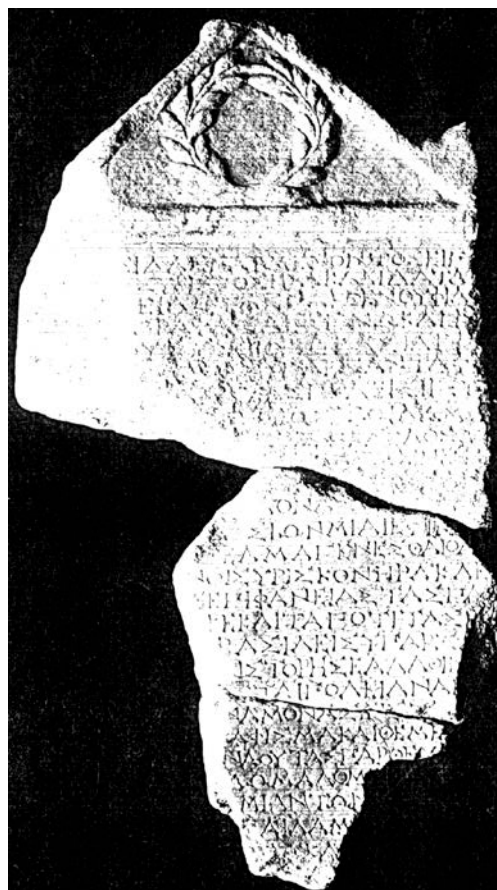


Рис. 2. Почетная надпись в честь Сирииска, сына Гераклида. Мрамор. Середина III в. до н.э. Херсонес.

белого мрамора, украшенной фронтоном с изображением лаврового венка и обнаруженной в Херсонесе, надпись: "Гераклид, сын Парменонта, предложил: поскольку Сириск, сын Гераклида, явления Девы, трудолюбиво описав, прочитал, и про отношения к царям Боспора рассказал, и бывшие дружественные отношения с городами исследовал согласно достоинству народа, - то дабы он получил достойные почести, да постановит совет и народ похвалить его за то, и симмномам увенчать его золотым венком в Дионисии, в 21 день и быть провозглашение: "Народ венчает Сириска, сына Гераклида, за то, что он описал явление Девы и бывшие дружественные отношения с городами и царями исследовал правдиво и согласно с достоинством государства. Написать симмномам на каменной плите народное постановление и выставить в притворе храма Девы; понесенный же расход выдать согласно решению казначея священных сумм. Это решение советом и народом месяца (...) в десятый день (...)".

Инициатор декрета - Гераклид, сын Парменонта, - фигурирует в другой надписи (IPE. P. 343 = КЛХ. 3), где он назван диойкетом, то есть высоким должностным лицом. Вместе с коллегией магистратов (номофилаков) и государственным казначеем он предлагает: "Чтобы хорошо было устроено у граждан служение (богине Деве) и явился воздающим ей подобающую благодарность за оказанную (помощь), народ херсонесский ..., спасенный через нее (от величайших опасностей), и ныне, когда отправились жители с детьми (и женами) на несение Диониса... (и набег) совершили неожиданно (соседние) варвары и..."

Принято считать, что в обеих надписях с предложениями к совету и народу обращался один и тот же человек по имени Гераклид. Второй документ, видимо, был несколько старше первого. М.И. Ростовцев считает, что в несохранившейся его части говорилось о необходимости отблагодарить богиню Деву за неоднократное спасение херсонесцев от варварских набегов (последний из них пришелся на праздник в честь Диониса, на который жители пришли с детьми и женами). Такой благодарностью могло быть опубликование сочинения, в котором был бы описан последний случай явления (эпифании) богини, а быть может, и все предшествующие. Работу по подготовке рукописи поручили людям, способным ее выполнить; литературную часть возложили на Сириска. За блестяще выполненное задание народ решил отблагодарить уже Сириска, в связи с чем был принят декрет, отметивший его трудолюбие, сочинение оценили как правдивое и написанное "согласно с достоинством государства (народа)". Автор прочитал его в общественном месте херсонесцам (так же, как некогда Геродот зачитывал части своей "Истории" в Афинах и как поступали другие известные мастера слова). Должностным лицам - симмномам - рекомендовалось подготовить по этому случаю народное постановление и выставить его в притворе храма Девы. Из священной казны предполагалось выделить определенную сумму на опубликование данного декрета и произведения (или его части) Сириска, который трудился на благо народа и во имя богини безвозмездно".

Оба декрета традиционно в науке датируются III в. до н. э., декрет в честь Сириска - серединой или второй его половиной, вслед за М.И. Ростовцевым принято считать, что Гераклид, сын Парменонта, был отцом Сириска. Поиски аналогий привели М.И. Ростовцева к документу из родосского города Линда, где был обнаружен декрет I в. до н. э., в котором некий Агеситим предлагал ввести своего сына Тимахида - филолога и поэта - в комиссию по подготовке текста, посвященного чудесам богини²⁴. Ситуация на Родосе удивительно напоминает ту, что сложилась в Херсонесе. Инициатор декрета Агеситим выступает в той же роли, что и Гераклид, его сын Тимахид получает от народа задание в том же духе, что и Сириск. Схожесть документов из Линда и из Херсонеса и привела М.И. Ростовцева к предположению, что Гераклид мог быть отцом Сириска, как Агеситим был отцом Тимахида.

Из лаконичных слов декрета в честь Сириска следует, что его произведение делилось на две части: первая посвящалась явлениям Девы, вторая - исследованию взаимоотношений Херсонеса с царями Боспора и городами (под которыми явно подразумевались понтийские центры - Гераклея и другие). Автор не ограничился полученным от народа заданием и проявил самостоятельность, соединив в своем труде явления главной херсонесской богини-спасительницы, защитницы от варваров (которыми, вероятнее всего, в те времена были скифы; впрочем, соседние тавры тоже не отличались мирным настроением), с делами государства на международной арене, иными словами: религию с политикой, мистику с реализмом. Так мог поступить человек творческий, опытный на политическом и литературном поприщах, не юноша, но муж. Не случайно народ дал согласие на избрание именно такого человека для выполнения важной (на Деву возлагались огромные надежды) и нелегкой задачи. Думается, Сириск в то время уже был немолод, имел за плечами хорошую историческую школу, опыт работы с источниками и написания сочинений исторического характера. Его источниками, считает М.И. Ростовцев, были храмовые записки об эпифаниях и знаменаниях Девы, а также договоры с соседними государствами, хранящиеся в херсонесских архивах²⁵. К этому нужно добавить устную традицию (особенно относительно явлений Девы) и произведения предшественников и современников Сириска. Возможно, прав Б.В. Варнеке, считавший произведение Сириска трудом о местной истории и предполагавший, что декрет специально выделил в нем ту часть, в которой говорилось о явлениях Девы (добавим: и ту, в которой речь шла о межгосударственных отношениях в Понте)²⁶. Если так, то Сириск, написавший историю Херсонесского государства, пошел по стопам Анонима - автора исторического труда о Боспорском царстве.

В.Д. Блаватский отметил некоторые схожие черты в их творчестве и мировоззрении: любовь к старине и верность старым наивным традициям. У Анонима это проявилось в рассказах о прорицаниях относительно смерти боспорских правителей Сатира и Евмела (Диодор считает их несколько наивными, но передает, ибо их принимают на веру местные жители - XX. 26. = ВДИ. 1947. №4. С.266), у Сириска - в описании эпифаний божества²⁷. За всем этим проглядывает школа Геродота, мастера соединять традицию с новаторством, суеверие и мистику - с реальными явлениями природы и общества.

М.И.Ростовцев отмечал, что рассказ Полиена о сарматской царице Амаге, оказавшей помощь страдавшим от набегов скифов херсонесцам (VIII. 56 = ВДИ. 1948. №2. С.219), созвучен с описанными Сириском чудесными явлениями Девы, защитившей все тех же херсонесцев от варваров, и не исключал, что источником Полиену послужило сочинение Сириска (или какого-то иного местного историка его времени), с которым он мог познакомиться через вторые руки, например, через труд Филарха, охвативший события III в. до н. э.²⁸

Теперь о двух темах сочинения Сириска, которые обозначены в декрете. Обращение к эпифаниям и знамениям божеств было в античной литературе делом довольно обычным, на этот счет есть немало свидетельств. Люди издревле верили в помощь богов, наиболее ярко чудесное вмешательство небожителей в земные дела представил еще Гомер в поэмах героического эпоса. В разных местностях, городах были свои почитаемые боги-покровители, защитники, к ним в первую очередь обращали свои молитвы в случае нужды. Херсонесцы, как и все эллины, благоговели пред всеми, как сказано в их присяге (IPE. I². 401 = ДМЮР. 34), "богами и богинями олимпийскими", но особенно чтили Деву (Парфенос) - местную таврскую богиню, которой придавали черты греческой богини Артемиды и мифической героини Ифигении.

Храм Девы с алтарем в центре города - главная святыня херсонесцев. В честь богини устраивались торжественные праздники - Парфении, ей посвящали статуи, ее изображали на монетах. Когда государству грозила внешняя опасность, в изображениях богини подчеркивались воинственность, сила. Дева в башенной короне, напоминая своими очертаниями оборонительные стены с зубцами, мыслилась именно защитницей города, его стен (рис. 3). Деву провозглашали царицей, и она периодически (порой подолгу) занимала должность царя-эпонима, в чьи функции входили различные религиозные обязанности, его именем обозначали год, датировали документы и монеты²⁹.

Херсонесцы верили, что в борьбе с соседними варварами им помогает в первую очередь Дева. Из декрета в честь Сириска ясно, что эта помощь приходила к ним неоднократно. Жители других государств полагались на защиту своих главных богов и также описывали их чудесные явления в декретах, литературных сочинениях (ближайший пример - надпись из Линда, из которой явствует, что Тимахиду поручалось описание эпифаний богини Афины).

Основываясь на некоторых данных источников, А.С. Русяева полагает, что явления и знамения в представлениях древних происходили в разных формах: в виде кажущегося непосредственного присутствия божества, какого-то символа, знака, небесного знамения, необычного природного явления, сновидений, знамений в святилище, статуе. Жрецы подвергали эту информацию расшифровке и связывали ее с конкретными событиями в городе, государстве, это записывалось в храмовых хрониках и передавалось из поколения в поколение³⁰. Высказывается также интересная мысль об особой роли Сириска в укреплении культа Девы в Херсонесе, до того несколько потесненной Гераклом.

Вера в чудесное спасение города богиней - это мистика. На деле же сами херсонесцы смогли защитить своих близких и стены города от врага в день веселого и всеми любимого праздника, посвященного богу виноградарства и виноделия Дионису. Вера в богов и их чудеса предполагала конкретные и вполне жизненные вещи, в нашем случае - вооруженный отпор варварам и положение Херсонесского государства на международной арене. Поиск союзников, налаженные экономические и политические связи с соседями - залог процветания и военной силы. Вот почему херсонесцы связывали набеги варваров на их город и его сельские районы с налаживанием дипломатических контактов с Боспором (крупнейшим государством в Крыму и вообще в Северном Причерноморье) и городами Понта. Вспомним ширококомасштабную деятельность боспорского царя Евмела на Черном море, его стремление объединить причерноморские государства в единое целое. Со смертью Евмела идея всепонтийского единства не погибла, более того, натиск варваров и осложнение международной обстановки из-за борьбы преемников Александра Македонского за раздел его империи (особую опасность представлял Лисимах, захвативший Фракию и часть Малой Азии) стимулировали стремление понтийских греков к единению. Источники свидетельствуют, что отношения Херсонеса с Боспором и другими государствами Понта в III в. до н. э. были дружественными, связи многообразными³¹. Наивысший расцвет Херсонесского государства, приходящийся на последнюю четверть IV- первую четверть III в., сменяется ухудшением его внутреннего и внешнего положения в связи с ростом скифской угрозы. Вторая четверть III в.



Рис. 3. Монета с изображением головы богини Девы в башенной короне. Серебро. II в. до н.э. Херсонес.

была трагичной - варвары практически уничтожили хору государства, разрушили города. В дальнейшем (с конца третьей четверти III в.) отношения со скифами стабилизировались, кризис пошел на спад, херсонесцы восстановили свою сельскохозяйственную территорию³². События, описанные в декрете в честь Сирииска (нападение варваров и укрепление отношений с соседними государствами), приходится на самый сложный для Херсонеса период и должны датироваться второй четвертью - серединой III в.

Теперь относительно происхождения и социального положения Сирииска. Имя Сирииск редко встречается в ономастике Херсонеса, тем не менее помимо декрета оно встречается еще на медных монетах с изображением на лицевой стороне Девы, копьем поражающей лань, на оборотной - босящего быка на палице, под которой имя магистрата (в нашем случае - Сирииска) и лук с колчаном. В.А. Анохин датирует данную серию монет 300-290 гг., Е. Я. Туровский - около 305-300 гг.³³. Есть еще амфорные клейма с именем магистрата Сирииска, отнесенные В.И.Кацем к подгруппе Б первого периода клеймения (в нее входят 16 магистратов-астиномов, в том числе Сирииск), которая датируется 315-300 гг.³⁴ Очень возможно, что Сирииск-монетный магистрат и Сирииск-астином - одно и то же лицо. Исполнение подобных магистратур в разное время одним человеком - дело обычное. Но вот был ли этот Сирииск, сделавший магистратскую карьеру, Сириском-историком, как полагал М.И.Ростовцев, сказать трудно³⁵. Для того, чтобы быть избранным на какую-либо должность, нужно было достичь возраста, когда человек становился полноправным гражданином полиса. Причем, далеко не всегда избирали молодых. Греки ценили опыт и возраст, тем более, когда речь шла о доверии человеку государственных дел. Если допустить, что Сирииск-магистрат к рубежу IV - III вв. был взрослым человеком, хотя и молодым, то не исключено, что в зрелом возрасте (или даже старческом) он мог написать исторический труд и получить за это благодарность сограждан. Но тогда декрет следует датировать не второй половиной III в., а временем хотя бы чуть более ранним. В этом случае Сирииск предстает перед нами личностью выдающейся. Он принадлежал к цвету Херсонесских граждан, был хорошо образован, своими личными качествами уже в молодости завоевал авторитет среди сограждан, в дальнейшем благодаря его заслугам уважение к нему только росло. Вот почему ему доверили столь важное дело, как написание исторического сочинения, а декрет в его честь, принятый народом, решили "выставить в притворе храма Девы". Наверняка доверием граждан пользовался и его отец - семейные традиции много значили. Но вопрос в том, мог ли быть Гераклид, сын Парменонта, отцом Сирииска тогда, когда тому было уже немало лет. Это возможно в том случае, если мы сблизим даты исполнения магистратур Сириском и составления декрета в честь Сирииска-историка. Конечно, заманчиво предположить, что инициатор двух декретов (Гераклид) и историк Сирииск - отец и сын, члены уважаемого и богатого семейства. Они могли себе позволить безвозмездно заниматься общественными делами, сын - еще и литературой, наукой³⁶. Но нельзя сбрасывать со счетов то, что имя Гераклид не редкость в Херсонесе и отцом Сирииска мог быть совсем не тот Гераклид, который значится в наших декретах. Если Сирииск был монетным магистратом и астиномом в конце IV - на рубеже IV-III вв., то его отцу должно было быть много лет тогда, когда он выступил со своим предложением отблагодарить сына всем народом за его сочинение. Или Гераклид, сын Парменонта, не был отцом историка, или в Сирииске-историке нельзя видеть Сирииска-магистрата. Предположение относительно отцовства Гераклида и отождествление Херсонесского историка с магистратом Сириском возможно лишь при передатировании декрета в честь Сирииска. Приходится признать, что общепринятая датировка его слишком расплывчата и нуждается в уточнении.

Сирииск стоял у истоков Херсонесской школы историков. Примерно через полторы сотни лет его труд стал примером для автора знаменитого Херсонесского декрета в честь митридатова полководца Диофанта, сына Асклепидора. После временного затишья варвары стали вновь тревожить херсонесцев. Почти весь II в. до н. э. прошел под знаком скифской угрозы и прямой агрессии. Дестабилизация и кризис достигли такого масштаба, что херсонесцы вынуждены были обратиться за помощью к сильному соседу - царю Понтийского царства Митридату VI Евпатору. Последний поспешил отправить в Крым войско под предводительством Диофанта (110г.) - талантливого военачальника и дипломата, возможно, бывшего воспитанником боспорского царя Перисада V и хорошо информированного о северопричерноморских делах. Диофант обратил в бегство скифов, завоевал царские крепости Хабеи и Неаполь, подчинил тавров. В то время, когда он успешно сражался с претендовавшими на херсонесские земли и выход к морю скифами, непредвиденно благоприятно для Митридата сложилась обстановка в Боспорском царстве. Оказавшийся без опоры и не имевший наследника его царь Перисад V принял решение отречься от престола в пользу понтийского правителя. Диофант срочно отправляется на Боспор и, по-видимому, ведет там переговоры о передаче Боспорского царства Понту.

Через некоторое время ему вновь приходится воевать со скифами - весной 109 г. он отвоюывает у Палака, сына скифского царя Скилура, захваченные им крепости Хабеи и Неаполь. Успешно решив дела, полководец Митридата во второй раз отправляется на Боспор, дабы окончательно решить вопрос о передаче его Понту. Но тут случилось непредвиденное: скифы во главе с неким Савмаком восстали, убили Перисада V и стали угрожать Диофанту. Тот вынужден был бежать в Херсонес, а в начале весны 108 г. с большим сухопутным и морским войском, в которое влилось некоторое количество херсонесцев, двинулся из Херсонеса на восток, взял Феодосию и Пантикапей, покарал виновников восстания, Савмака отправил к Митридату и вновь приобрел для своего господина власть над Боспором.

Все эти бурные события, в которые оказались втянутыми несколько причерноморских государств и варвары, были описаны автором почетного декрета, высеченного на мраморном постаменте статуи (IPE.Г².352 = ХИДГ. С.654-656 = КЛХ. 11). Война с савмаковцами относится, как считает Е.А. Молев, к весне 108 - зиме 108/7 г.³⁷ Статуя с надписью в честь спасителя могла быть изваяна вскоре после этого.

Что выдает историка в авторе декрета? Во-первых, текст слишком велик по размеру, высечь его на мраморе было непросто, потребовалась длительная работа резчиков. За текстом, правда, чувствуется стремление к

лаконичности, но бывший в распоряжении автора материал оказался настолько большим, важным и интересным, что изложить его в нескольких фразах было просто невозможно. Писавший декрет человек отказался выполнить работу формально и предпочел изложить события настолько пространно, насколько позволял размер мраморной плиты. Так должен был поступить именно историк с его стремлением к ясности, точности и описательности. Во-вторых, текст отличается логичным построением, события представлены в строгой последовательности, чувствуется стремление автора к подробному их изложению и интерес к военной стороне дела. Текст декрета несложно разделить на несколько частей, в каждой имеется смысловое единство, определенная целостность. В-третьих, декрет написан хорошим слогом. Не случайно херсонесцы поручили именно историку составить столь важный и сложный текст. Надо думать, автор декрета, подобно Сириску, еще раньше зарекомендовал себя как способный писатель и как человек, искушенный в написании сочинений исторического содержания, пользовался авторитетом и известностью среди сограждан.

Бросаются в глаза некоторые общие моменты в творчестве Сириска и автора декрета в честь Диофанта³⁸. Оба описали сложные взаимоотношения и военные столкновения херсонесцев с варварами; оба высоко ценили дружественные связи Херсонеса с соседями (Сириск - с Боспором и понтийскими городами, автор декрета - с Понтийским царством); и тот и другой полагались на помощь богини Девы и не преминули рассказать о ней в своих сочинениях. "Постоянная покровительница херсонесцев" Дева неоднократно содействует Диофанту, в частности "посредством случившихся в храме чудес" (то есть эпифаний) она "предзнаменовала имеющиеся свершиться деяние и вдохнула смелость и отвагу всему войску; тогда Диофант сделал разумную диспозицию, впоследствии для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена". Значит, Дева, покровительствуя Херсонесу, оказала свои "услуги" и реальному защитнику херсонесцев - митридагову полководцу. Она вдохнула в него и в его воинов смелость, внушила необходимость в составлении периплов. Описание в них жизни быта местных варваров было связано с необходимостью постоянно с ними контактировать.

Греческие авторы использовали северопричерноморские периплы в работе над своими трудами. Среди их источников могли быть и сочинения Посидония, а также другого ольвиополита – Дионисия, упоминание о котором сохранилось в схолиях к "Аргонавтике" Аполлония Родосского (II. 658 = ВДИ. 1947. №3. С.289). "Дионисий Ольвийский, - говорится в схолиях, - свидетельствует, что широкие и низкие берега называются Ахилловыми бегами (дромами)". Речь идет о спортивных состязаниях, которые устраивались в честь героя Ахилла на Тендровой косе и в иных удобных для этого местах Северо-Западного Причерноморья, о чем имеется информация и у других греческих авторов. В.П. Яйленко держится того мнения, что Дионисий был поэтом, и отождествляет его с автором "Аргонавтики" Дионисием Милетским. Он считает, что Дионисий был уроженцем Ольвии, жил во II в. до н. э., в трудную годину покинул родину, перебрался в Милет, затем в Митилену, Александрию⁴³. В.Д. Блаватский, однако, видит в Дионисии географа конца III - II в. до н. э., сочинение которого содержало сведения о северо-западном побережье Понта, было известно греческим ученым II -I вв. до н. э. Посидонию и Артемидору, а через них - Страбону, чья "География" представляет собой важнейший источник наших знаний о Северном Причерноморье и его обитателях в античную эпоху⁴⁴.

В городах Северного Понта жило немало людей интеллигентных профессий - деятелей литературы, науки, учителей, врачей, юристов, архитекторов, скульпторов, живописцев. Все вместе они старались на общее благо, ждали похвалы от сограждан (и властей - не без того), соперничали (агональный дух пропитывал жизнь античных полисов), мечтали о славе. Для нас важно, что они создали, и, к счастью, не все, созданное ими, поглотило время. Имеющиеся на сегодняшний день материалы свидетельствуют об интенсивной духовной жизни северопричерноморских греков, захватившей, кстати сказать, и кое-кого из наиболее одаренных варваров (достаточно вспомнить полубогородные, но не лишённые реализма новеллы о скифах Анахарсисе и Скиле, блестяще изложенные Геродотом). Разнообразные по содержанию труды местных писателей, включая исторические, читали не только жители северопонтийских городов, эти сочинения попадали в библиотечные собрания тех греческих центров, которые поддерживали экономические, политические и культурные связи с Северным Причерноморьем, особенно южнопонтийских (Гераклеи, Синопы, Амиса), там с ними могли познакомиться путешественники и писатели из иных мест и поделиться своими новыми знаниями с другими. Из произведений местных авторов греческие писатели, в первую очередь, черпали ценные сведения о Скифии и ее обитателях - как варварах, так и эллинах. Ведь из авторов общегреческих трудов, по крайней мере, до нас дошедших, немногие посещали Северное Причерноморье, чаще материалы о нем брали из сочинений своих предшественников и современников; так через вторые руки к ним попадали фрагменты произведений местных писателей. Не приходится разделять скепсис глубоко уважаемого Б.В. Варнеке, считавшего, что талантливому человеку "надо было покинуть берега Черного моря и переселяться в места более людные", в центры греческого просвещения, что "для ученой и литературной деятельности тогда еще вовсе не было надлежащей почвы в таких местах вывозной торговли, которыми тогда служили прежде всего греческие поселения на берегах Черного моря"⁴⁵. Время сохранило память о людях, родившихся в Северном Причерноморье и до последних дней своих живших на родине, что не мешало им получить достойное образование, добиться успехов, славы и почета у сограждан. Их творческий труд побуждал людей мыслить, любить родину и трудиться во благо ее. Они - наша гордость и наши далекие предшественники, вложившие свою лепту в развитие цивилизации, противопоставляемой невежеству и бескультурии. Они удостоивались почетных декретов, выставлявшихся на всеобщее обозрение в самых людных и святых местах, на их надгробиях поэты писали полные тепла и грусти, глубокого уважения и преклонения стихи.

1. Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. – С.139-146.
2. Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. – С.246-247, 280-286. № 11; 57.
3. Ручинская О.А. Право и общество античных городов Северного и Западного Понта // Античный мир. Византия. – Харьков, 1997. – С.177-178.
4. Спиридонов Д.С. Уроженцы северного побережья Черного моря в истории древнегреческой мысли // ИТУАК. 1918. №54. С.187-233; Верлинский А.Л. К боспорской просопографии: стоик Сфер // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. – С.146-177.
5. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. – Л., 1925. – С.122-139; Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. – С.147-200; Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. – С.203-207.
6. Ростовцев М.И. Указ. соч. С.126, 128; Струве В.В. Указ. соч. С.150-151; Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. – М., 1990. – С.299.
7. Струве В.В. Указ. соч. – С. 169-172, 189-196; Блаватский В.Д. Указ. соч. – С.205-Предположение В.В. Струве относительно самосского происхождения нашего Анонима, якобы жившего в Херсонесе в качестве метека и близко стоявшего к купеческим кругам, деловыми отношениями связанным с Боспором, кажется мало вероятным, аргументация - слишком сложный и всецело основанный на косвенных, порой далеких от существа дела фактах .
8. Яйленко В.П. Указ. соч. – С.284-286.
9. Античная Греция: Проблемы развития полиса. Т.1. М., 1983. – С.396, 407-408; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI – IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1984 г. – М., 1985. – С.87-89.
10. В качестве примеров тираний окраинных областей греческой ойкумены Э.Д. Фролов приводит авторитарные правления в Сицилии, Геракле Понтийской и без специального исследования - на Боспоре и Кипре: Фролов Э.Д. Греческие тираны. – Л., 1972. – С.197-198; Он же. Тирания в Геракле Понтийской // АМА. Вып.2. Саратов, 1974. С.114-139; Он же. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979; Он же. Младшая тирания // Античная Греция: Проблемы развития полиса. Т.2. М., 1983. С.137-154. См. также: Петрова Э.Б. Боспор и Кипр: опыт сопоставления двух тиранических режимов // Украина - Греция: Досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва: Тез. докл. Маріуполь, 1996. – С.32-34.
11. Шелов Д.Б. Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. №1. С.36-42; Молев Е.А. Властитель Понта. Нижн. Новгород, 1995.
12. См. Подробнее: Струве В.В. Указ.соч. – С. 151-160.
13. Ростовцев М.И. Указ. соч. – С.129-130; Струве В.В. Указ. соч. – С.181-185.
14. Ростовцев М.И. Указ. соч. – С. 128-138; Он же. Амага и Тиргатао.// ЗООИД. 1915. Т. 32. – С. 58-77; Струве В.В. Указ. соч. – С.172-179; Шелов-Коведяев Ф.В. Указ. соч. – С.115-135; Петрова Э.Б. Феодосия и Спартокиды: завершение соперничества // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1991. № 6. – С.18-23.
15. Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао. – С.73-77.
16. Петрова Э.Б. Феодосия и Спартокиды... – С. 15-27.
17. Струве В.В. Указ. соч. – С.184.
18. Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао. – С. 73; Он же. Скифия и Боспор. – С. 140-143.
19. Кубланов М.М. О местной историографии на Боспоре // ВДИ. 1954. №4. – С. 143-146; Берзин Э.О. Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1. – С.111-127. См также: КБН. 1 137. – С.670-676.
20. Кадеев В.И. Херсонес Таврический: Быт и культура (I - III вв. н. э.). Харьков, 1996. – С. 175-180.
21. Ростовцев М.И. Сирик - историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. № 4. – С. 150-170.
22. Ю. Г. Виноградов датирует декрет диоикета Гераклида, сына Парменонта, в честь богини Девы примерно 280 г. до н.э. и предлагает свой вариант чтения надписи (Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о "несении Диониса" 10SPR. 1². 323 и вторжение Сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. – С. 108-123.)
23. Ростовцев М.И. Сирик. – С. 153-155.
24. Там же. – С.155; Он же. Амага и Тиргатао. – С.63.
25. Варнеке Б.В. Из культурной жизни греческих колоний на юге России // ЗООИД. 1919. Т.33. – С 24.
26. Блаватский В.Д. Указ. соч. – С.206.
27. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. – С.137-138.
28. Кадеев В.И. К вопросу о "царствовании" Девы в Херсонесе // КСИА. 1976. Вып.145. – С.9-13.
29. Русяева А.С. Эпифании и знамения Партенос в Херсонесе Таврическом // Херсонес в античном мире: Историко-археологический аспект: Тез. докл. Севастополь, 1997. – С.100-102.
30. Доманский Я. В., Фролов Э.Д. Развитие межполисных отношений в античном Причерноморье в VI - I в. до н. э. // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху: экономика, политика, культура: Материалы к конф. – Севастополь, 1992. – С. 3-12; Туровский Е.Я. К вопросу о внешней политике греческих государств Северного Причерноморья в III в. до н.э.// Там же. – С. 44-49.
31. Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV – II вв. до н.э. – Севастополь, 1997.– С. 45-49.
32. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. –XII в. н.э.). –Киев. – С. 26, 139. Табл. V. 79; Туровский Е.Я. Монеты... – С. 15-16, 56. – № 79.
33. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. – С.50-51, 76. Табл. XCIII-XCIV. 1-109.

-
34. Ростовцев М.И. Сирик ... – С.153.
 35. Пальцева Л.А. К вопросу об эволюции государственного строя Херсонеса в эллинистическую эпоху //Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. – С. 122-123.
 36. Молев Е.А. Указ. соч. – С.44.
 37. Ростовцев М.И. Сирик ... – С.160-161; Струве В.В. Указ.соч. – С.148-149.